

УДК 340

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «СОВРЕМЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И КИТАЕ»

© 2024 г. Н. В. Кроткова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.06.2024 г.

Аннотация. В выступлениях круглого стола обсуждаются вопросы современного юридического образования и юридической науки России и Китая. Отмечается, что в этих странах юридическое образование и юридическая наука переживают переходный период. И в России, и в Китае введение рыночных механизмов и широкий контакт с Западом обусловили трансформацию юриспруденции. Перед учеными и преподавателями встала проблема адаптации национальной юридической традиции к новым историческим условиям. Сравнительный анализ России и Китая интересен также тем, что оба государства имеют социалистическое прошлое, а правовая система, юридическая наука и юридическое образование Китая испытали заметное влияние СССР.

Ключевые слова: юридическая наука, юридическое образование, общая теория права, философия права, социология права, сравнительное правоведение.

Цитирование: Кроткова Н. В. Российско-китайский круглый стол «Современная юридическая наука и образование в России и Китае» // Государство и право. 2024. № 6. С. 181–200.

DOI: 10.31857/S1026945224060176

RUSSIAN-CHINESE ROUND TABLE “MODERN LEGAL SCIENCE AND EDUCATION IN RUSSIA AND CHINA”

© 2024 N. V. Krotkova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Received 08.06.2024

Abstract. The Round Table addresses issues of modern legal education and legal science in Russia and China. It is noted that in these countries, legal education and legal science are going through a transitional period. In both Russia and China, the introduction of market mechanisms and extensive contact with the West have led to the transformation of jurisprudence. Scientists and teachers faced the problem of adapting the national legal tradition to new historical conditions. The comparative analysis of Russia and China is also interesting because both states have a socialist past, and the legal system, legal science and legal education of China have experienced a noticeable influence of the USSR.

Key words: legal science, legal education, General theory of law, Philosophy of Law, Sociology of Law, comparative jurisprudence.

For citation: Krotkova, N.V. (2024). Russian-Chinese Round Table “Modern legal science and education in Russia and China” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 181–200.

25 апреля 2024 г. состоялся Российско-китайский круглый стол «Современная юридическая наука и образование в России и Китае», организованный кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В круглом столе приняла участие делегация из Китайской Народной Республики во главе с Чжан Юнхэ, деканом Института прав человека Юго-Западного университета политологии и права (г. Чунцин, КНР). Модераторы круглого стола: Е.А. Фролова, зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф.; В.Н. Жуков, профессор той же кафедры, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф.; А.Е. Наумов, доцент той же кафедры, канд. юрид. наук.

С приветственным словом выступили декан юридического факультета, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, академик РАО А.К. Голиченков и заместитель декана по научной работе, д-р юрид. наук, проф. Н.В. Козлова.

Е.А. Фролова, зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф. Теоретико-правовая наука в России: значение и современное состояние

Во все исторические эпохи наукам, формирующим юридическое мышление, а в более широком смысле — мировоззрение, уделяется большое внимание. В результате философских дискуссий и споров в разные времена создавались концепции в защиту правового (религиозного, общественного, политического, государственного) идеала. В настоящее время в нашем государстве подчеркивается необходимость развития социальных наук как наук об обществе и межличностных отношениях внутри него. Юридическая наука — наука социальная; она объединяет в себе фундаментальные, отраслевые и прикладные юридические науки. К фундаментальным юридическим наукам относятся теория государства и права, история (отечественная и зарубежная) государства и права, история

политических и правовых учений, философия права, социология права. По классификации наук, предложенной неокантианцами баденской школы (в Германии — В. Виндельбанд, Г. Риккерт, в России — П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский и др.), эти науки относятся к наукам о культуре, для которых важны сознание, воля, цели и ценности человека. Теоретико-правовые науки формируют способность к альтернативному концептуальному мышлению.

За последние несколько десятилетий в отечественной юриспруденции произошли существенные изменения в исследовании методологии права и государства. Если для советской правовой науки существовала единственно верная марксистско-ленинская методология познания государства и права, то в условиях деидеологизации социальных наук авторы основываются на множественности подходов к исследованию политико-правовых явлений. Признается, что методология задает угол зрения, под которым исследователь оценивает право и государство, а поскольку эти методы различны (либерализм, консерватизм, кантианство, гегельянство, марксизм, идеализм, прагматизм, феноменология, экзистенциализм и др.), разные взгляды на сущность права и государства — объективная реальность.

Следствием плюралистического подхода к изучению социальных явлений в последние несколько десятилетий выступила необходимость разграничения смежных наук историко-теоретического цикла. В XXI в. в российских университетах и юридических вузах вводятся новые (по сравнению с советским временем) учебные курсы по дисциплинам «Философия права», «Социология права», «История и методология юридической науки», послужившие импульсом для формирования интеллектуальной среды нашего общества. Для всего блока теоретико-правовых дисциплин приоритетным становится сравнительный метод исследования — качественное теоретическое обобщение невозможно без проведения анализа исторических условий формирования доктрины, оценки его логического

объема и определения места в системе политико-правовых концепций.

В настоящее время, как и сто лет назад, отечественные юристы подчеркивают, что общая теория права выражает содержание права в системе юридически четких понятий формально-догматической юриспруденции (норма права, правоотношение, субъект права, объект права, юридическая ответственность, юридический факт и др.). Этим во многом определяется и методологическое значение общей теории права: классифицируя и обобщая понятия, лежащие в основании положительного права разных стран, времен, народов, эта наука выступает своеобразным посредником между отраслевыми юридическими науками. Вместе с тем юристы различных школ и направлений сходятся в том, что право есть очень сложное по содержанию, по формам своего проявления и по идеологическим ориентирам (идеалам) социальное явление. Поэтому его изучение в рамках науки общей теории права недостаточно.

Особое значение в системе теоретико-правовых наук занимает философия права. Эта наука изучает смысл права, законы его бытия, связи права с человеком, обществом, государством. Цель философии права — исследовать вопрос значимости ценностей применительно к области права и государства. Поскольку данная наука видит в праве отражение развития культуры каждой исторической эпохи, она носит в отличие от общей теории права идеологический характер.

Наука истории политических и правовых учений представляет собой отражение в понятийно-категориальном аппарате теории государства и права меняющихся исторических условий и интересов различных общественных групп. В таком понимании эта научная и учебная дисциплина тесно связана с теорией государства и права и философией права. Одна из задач истории политических и правовых учений — выявить закономерности развития политико-правовой идеологии, прежде всего доктринального уровня. Изучая модели правового сознания эпохи, эта наука формирует системные подходы к решению социально-политических проблем. История политических и правовых учений предполагает борьбу разных мировоззрений, каждое из которых стремится доказать свою правоту, воплотившись в общественное сознание. Доктрины о праве, политике и государстве — это варианты альтернативного юридического мышления, обоснованность и актуальность которых подтверждается степенью их востребованности на том или ином историческом этапе развития общества. К сожалению, в настоящее время в отечественных юридических вузах наметилась тенденция к существенному сокращению часов по предмету истории

политических и правовых учений. Такой вектор развития современной системы высшего юридического образования нельзя считать оправданным¹.

Науки фундаментальной юриспруденции воплощают мировой опыт всех предшествующих веков в области права и государства. Их практическая значимость заключается в том, что они позволяют понять связь права с другими социальными регуляторами и способствуют выработке профессионального отношения к действующему праву с учетом его исторического и ценностного компонентов, а также социокультурных перспектив развития.

Чжан Юнхэ (Zhang Yonghe), декан Института прав человека Юго-Западного университета политологии и права, д-р юрид. наук, проф. (КНР, г. Чунцин). *Эволюция сознания и трансформация методологии современной китайской юриспруденции*

После создания Китайской Народной Республики в 1949 г. *Шесть законов* Китайской Республики (1912–1949) были исключены из правовых источников. Конституция КНР была принята в 1954 г., но в то время не была создана полная социалистическая правовая система. 1980-е годы стали наиболее важным периодом эволюции китайского правового сознания, поскольку в 1979 г. были приняты Уголовный закон КНР и УПК КНР, а в 1982 г. — новая Конституция КНР (действующая). В ней не только уделяется пристальное внимание обобщению богатого опыта социалистического развития Китая, но и обращается внимание на использование международного опыта, так и перспективы развития. После того были приняты Общие принципы гражданского права КНР (как основной гражданский закон до принятия Гражданского кодекса КНР в 2020 г.), Административно-процессуальный закон КНР и др. Все эти важные законы определили направление развития китайской юриспруденции.

1980-е годы были самым активным периодом реформ и открытости Китая. Западные теории становились популярными, особенно в идеологии юриспруденции, даже западные правовые идея и правосознание стали основой в исследовании. Конечно, западная юридическая идея также является кристаллизацией человеческой цивилизации, ее мерцающий свет человеческой мудрости до сих пор ощущается китайскими юристами. Взгляды на правовые явления, представленные различными юридическими школами, и их различные представления о равенстве и справедливости оказали глубокое влияние на поколения

¹ См.: Кроткова Н. В. Всероссийская конференция с международным участием «История политических и правовых учений как научная и учебная дисциплина» // Государство и право. 2023. № 8. С. 191–206.

китайских юристов. В то же время критиковалась правовая идеология Советского Союза, такая как взаимосвязь между государством и правом в теории А.Я. Вышинского. Многие китайские юристы начали считать, что в правовой идеологии СССР слишком обращали внимание на роль и статус государства в политической жизни и игнорировали социальный характер права. Одна из наиболее распространенных практик заключается в том, что в китайских юридических вузах меняли название кафедры теории государства и права, которая копировала опыт СССР, новое название кафедры было ближе к западным — кафедра основной теории права. К середине 1980-х годов название даже было изменено на «юриспруденция» (Jurisprudence). Учебник также был переименован из «Общей теории государства и права» в «Основы теории права», а затем в «Юриспруденцию», чтобы отличаться от идеологии Советского Союза. В то же время у китайских юристов были сомнения в своей истории. Некоторые юристы задались вопросом: является ли традиционная китайская правовая идеология справедливой? Но большинство юристов с высокими идеалами все еще были убеждены, что, хотя общественное развитие требовало новой правовой идеологии, они не считали, что традиционная китайская правовая идеология бесполезна. Эти прекрасные правовые культуры все еще полезны для Нового времени. В XXI в. мы уверены, что эти взгляды верны.

Текущая задача, стоящая перед китайскими юристами, — это найти, что полезно для настоящей правовой практики Китая. Такое стремление решать проблемы привело к трансформации правовой методологии. Особое внимание уделяется правовым явлениям, происходящим в Китае. Тенденции развития мира и тенденции развития Китая влияют друг на друга и являются причинами и следствием друг друга. Эта позиция необходима для понимания международной ситуации, прояснения направления развития Китая и прогнозирования новых общественных отношений, которые могут возникнуть в КНР, и новых правовых отношений, которые могут возникнуть в результате этого. Исходя из этого, китайские юристы должны решить свои проблемы на основе китайской практики. Это своего рода осознание проблемы и методологии исследования. Современные юридические исследования Китая открытые и разнообразные в результате трансформации правовой методологии.

В.Н. Жуков, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф. *Российская юридическая наука: этапы развития*

Юридическая наука и юридическое образование начинаются в России во второй половине XVIII в., когда в 1755 г. императрица Елизавета Петровна учредила Московский университет в составе трех факультетов: философского, юридического и медицинского. Науку (в том числе юридическую) в России ставили европейцы, главным образом немцы. Именно немецкая система легла в основу нашей отечественной науки и образования, именно с Германией теснее всего были научные связи. В целом следует понимать, что наука и образование в России — неотъемлемый элемент европейского влияния. Наша страна в этом смысле — страна европейская.

Примерно до 60–70-х годов XIX столетия российская юридическая наука носит ученический характер. Во второй половине XIX — начале XX в. наша юридическая наука принимает зрелый, самостоятельный характер и начинает развиваться на своей собственной основе. Однако при этом для русских ученых любого профиля европейцы, европейская наука продолжают оставаться своеобразным эталоном, на который следовало равняться. Для русского быть настоящим ученым означало быть настоящим европейцем. Данный комплекс, к сожалению, не изжит и до настоящего времени. В целом можно констатировать, что за XIX — начало XX в. российская юридическая наука прошла путь, на который Европе потребовалось несколько столетий. За это время был создан не просто фундамент нашей юридической науки, она достигла своего расцвета, той высшей точки, превзойти которую не удалось последующим поколениям ученых.

Советский период юридической науки неоднороден и подразделяется на несколько этапов. Первый — ленинско-сталинский — начался с установления большевистской диктатуры в 1917 г. и завершился примерно в 1956 г., когда на XX съезде КПСС были публично осуждены сталинские репрессии. Этот период характерен резким снижением уровня обществоведческой науки, в том числе юридической. Большевики заявили о полном разрыве с немарксистской социальной наукой, обязав воспринимать ее в качестве буржуазной диверсии против молодой советской республики. Решающим аргументом большевистской диктатуры в пользу правоты марксизма стали массовые репрессии. Если обществовед или даже естествоиспытатель и технарь хотели заниматься наукой, им было необходимо продемонстрировать полную лояльность советской власти и приверженность ее идеологическим клише. Тяжелее всего пришлось фундаментальной юридической науке (общей теории государства и права, истории государства и права, истории политических учений), представители которой вынуждены были подстраивать ее под догмы советского марксизма. Задача ученого-юриста состояла прежде

всего в том, чтобы на материале своей науки показать торжество идей Маркса — Ленина — Сталина. Отраслевая юридическая наука в эпоху военного коммунизма почти замерла, но с введением новой экономической политики оказалась востребованной. Хозяйственная жизнь страны потребовала приспособления традиционной юридической догмы к новым историческим условиям. Вместе с тем очевидно, что огромная часть богатейшего наследия европейского частного права (включая римское право) была обречена на забвение в условиях жестких рамок административно-командной экономики. В период с начала 60-х и до конца 80-х годов юридическая наука оживает, партийная власть разрешает дискуссии (например, о «широком» и «узком» понимании права), но по-прежнему в строго заданных идеологических рамках. Создаются работы достаточно высокого уровня, в том числе потому, что марксизм представлял собой богатую теоретико-методологическую базу.

Горбачевская перестройка и распад СССР (1991) знаменовали собой начало третьего этапа в развитии российского обществоведения и юридической науки, в частности. Процессы, проходившие и проходящие в данный период, противоречивы, но в целом российская наука (естественная, техническая, общественная) демонстрировала упадок и глубочайший кризис. В условиях русского капитализма финансирование науки со стороны государства почти прекратилось. Обществоведение во многом оказалось в руках зарубежных фондов, главной целью которых было изменение культурного кода нашего народа и подчинение Российского государства глобальному Западу. Появились сотни частных юридических вузов, задачей которых было не развитие образования и науки, а получение прибыли и сверхприбыли. Во второй раз за XX столетие резко упал уровень обществоведческой науки, и юридической науки в том числе.

Вместе с тем новый русский капитализм оказал сильное стимулирующее воздействие на отраслевую юридическую науку. Возникла острая потребность вернуться к европейскому юридическому наследию, изучить европейскую юридическую догму. Так, в основу нашего Гражданского кодекса во многом были положены конструкции немецкого и французского права. Российские цивилисты проделали большую работу по творческой переработке европейской догматики под наши условия. К слову, это одно из наследий советской власти: она умела создавать высокопрофессиональные кадры. Ученые, защитившие свои диссертации в условиях партийной диктатуры, вполне успешно адаптировались к новой исторической реальности, доказав свой профессионализм.

Много хуже обстояло дело с фундаментальной юридической наукой, которая в условиях рыночной экономики оказалась никому не нужной. Общая теория права и история политических и правовых учений, например, в глазах чиновников от образования и науки оказалась лишним довеском к отраслевой юридической науке, материальным бременем, от которого следует освободиться. Одна из главных причин такого отношения — разрыв с европейской юридической наукой, совершенной большевиками. Генерации позднесоветских и постсоветских юристов, которые сегодня руководят юридическим образованием, неведома ценность европейской юридической традиции, во многом определяемой именно фундаментальной юридической наукой.

Особый вопрос современного этапа — присоединение к Болонской системе высшего образования, что имело для юридического образования как позитивные, так и негативные последствия. Введение магистратуры повлекло за собой появление новых, а точнее старых, но забытых или отмененных дисциплин: философии права, социологии права, сравнительного правоведения, истории и методологии юридической науки. К сожалению, попытки внедрить данные дисциплины показали, что их некому ни готовить, ни читать. Так, редкий преподаватель знает историю своей отрасли, а специализированных работ на эту тему крайне мало. Недостатки новой системы уже видны всем. Первое: учеба в магистратуре не влияет на качество подготовки юриста. Строго говоря, подготовка юриста завершается не в вузе, а на практике. Только через два-три года после окончания вуза можно говорить, что юрист подготовлен. Нормальный профессионал обязан учиться всю жизнь, здесь важнее не сумма даваемых знаний, а навыки самообразования. В императорских университетах юриста готовили за четыре года, и это были превосходные профессионалы, особо ценившиеся в годы советской власти. До реформы страна получала юриста через пять лет, сейчас — через шесть. Второе: курсы, даваемые в магистратуре, как правило, дублируют базовые дисциплины бакалавриата. Искусственность этих курсов видят и студенты. Третье: в магистратуру в юридической специальности можно принимать лиц, не имеющих базового юридического образования. Если для теории и истории государства и права это где-то нормально, то для отраслевых дисциплин совершенно неприемлемо. Невозможно без базового юридического образования освоить магистерскую программу отраслевой юридической науки. Это еще раз говорит, что чиновники в сфере образования слабо представляют себе специфику юридической науки и процесс подготовки юриста.

Чжан Цзяньвэнь (Zhang Jianwen), декан Института перспективных исследований Юго-Западного университета политологии и права, д-р юрид. наук, проф. (КНР, г. Чунцин). *Размышление о правовом образовании в эпоху искусственного интеллекта*

Искусственный интеллект, большие данные и другие термины популярны в наше время и часто участвуют в процессе правового образования и воспитания в вузах. Изменяют ли искусственный интеллект и большие данные сущность правила обучения человечества? Изменяют ли способы познания человечества?

Основываясь на собственном опыте в образовании и работе в качестве преподавателя для студентов колледжей и университетов, а также руководителя отдела управления преподаванием, автор считает, что способ человеческого обучения, правило познания и способ человеческого понимания мира до сих пор не претерпели существенных изменений. Хотя некоторые уверены, что в эпоху искусственного интеллекта технология больших данных и др. использует т.н. принцип корреляции, когда представляют мир и помогают понять его, но этот принцип корреляции показан как способ сбора и представления данных, а также информация. Что касается информации, лежащей в основе собранных и представленных данных, то человеку по-прежнему необходимо понимать и осваивать ее в соответствии с законом причинно-следственной связи. Ведь понимание релевантной информации, лежащей на поверхности вещей, является не конечной точкой человеческого понимания и даже не целью человеческого понимания, а отправной точкой и фундаментом для человеческого понимания, открытия и в конечном счете постижения причинно-следственной связи.

В настоящее время все еще невозможно повесить, что за недолгое время наступит переломный момент, когда технология искусственного интеллекта полностью изменит методы обучения человека. Напротив, в обозримом будущем по-прежнему должны применяться традиционные методы обучения.

Чтобы стать специалистом, обладающим ответственными профессиональными знаниями в определенной области, необходимо обладать глубоким пониманием мира, особенно в области истории, философии, политики, права и т.д., иметь глубокое представление о достижениях человеческой цивилизации. Люди, воспитанные в эпоху искусственного интеллекта, должны обладать не только смелостью и энтузиазмом для изучения грандиозных человеческих проблем, стоящих перед будущим, но и интересом и способностью возвращаться к классике и традициям.

Что касается высшего юридического образования, то невозможно испытывать головокружение и восхищаться технологическим величием, создаваемым технологиями искусственного интеллекта и больших данных, но необходимо рационально рассмотреть и определить влияние технологий искусственного интеллекта на высшее юридическое образование.

П. В. Трошинский, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН, канд. юрид. наук. *Юридическое образование в КНР*

В 2024 г. Китайской Народной Республике исполняется 75 лет. За недолгое время существования нового Китая (образован 1 октября 1949 г.) в нем созданы и успешно функционируют крупные образовательные площадки, на которых преподаются юридические дисциплины; активно работает юридическая наука КНР, деятельность китайских ученых-юристов весьма продуктивна, публикационная активность — высокая.

История юридического образования и юридической науки КНР прошла в своем развитии несколько основных этапов. Возникновение правоведения в социалистическом Китае относится к периоду образования КНР. Уже в апреле 1953 г. была создана «Китайская ассоциация политических и юридических наук» (中国政法学会), которая с мая 1954 г. начала выпускать журнал «Политико-юридические исследования» (政法研究); с января 1956 г. стал выходить журнал «Сборник политико-юридических переводов» (政法译丛) и одновременно в Шанхае — журнал «Правоведение» (法学). В декабре 1954 г. было создано «Издательство юридической литературы» (法律出版社).

В первые годы после образования нового Китая в него из СССР были командированы советские юристы для оказания помощи в формировании правовой системы страны. Не только законодательство, но и сам фундамент юридической науки КНР был заложен советскими специалистами:

во-первых, советские ученые выступали в качестве советников по правовым вопросам, читали лекции и проводили семинарские (практические) занятия на юридических факультетах ведущих китайских институтов;

во-вторых, на обучение праву в советские юридические институты приезжали китайские студенты, которые знакомились с особенностями теории и практики советского законодательства;

в-третьих, с научно-практическими визитами в СССР приезжали делегации работников органов юстиции для изучения советского опыта работы в юридической сфере;

в-четвертых, осуществлялся перевод на китайский язык советских законов и научных трудов по юридическим наукам, что позволяло китайским юристам напрямую погружаться в мир советского социалистического права.

Таким образом, Китай копировал советскую систему юридического образования, которая включала в себя не только программы по обучению, но и критерии оценки знаний, подготовки профессорско-преподавательского состава, методологию и т.п.

Юридические работы того времени в основном затрагивали вопросы государственного (конституционного) права, учебные пособия по правовым дисциплинам ограничивались лишь изданиями сборников нормативных правовых актов и документов нормативного характера.

К сожалению, с 1957 г. в КНР была остановлена всякая правотворческая деятельность, в стране начались различные политические кампании («борьба против правых элементов»; «большой скачок» и т.п.), апогеем которых стала «великая пролетарская культурная революция» (1966–1976). Право было объявлено буржуазным, реакционным явлением, связывающим революционные массы. В эти годы правового нигилизма прекратили действовать не только ранее принятые законы, но и было прервано юридическое образование, профессорско-преподавательский состав юридических факультетов подвергся репрессиям. Кадрам в юридической сфере был нанесен большой удар. Хотя в 1958 г. был открыт Институт права Академии наук, однако это не спасло юридическую сферу от разрушения.

Лишь после смерти в сентябре 1976 г. Мао Цзэдуна, ареста «банды четырех» (октябрь 1976 г.) и прекращения «культурной революции» в реформируемом Китае были восстановлены юридическое образование и юридическая наука. В 1977 г. возобновилась деятельность Института права. В 1978 г. в четырех крупных регионах КНР начался прием студентов на юридические факультеты, происходил количественный рост лиц, занимавшихся юриспруденцией, стали выходить журналы и работы по праву. Уже к середине 80-х годов выходит около 70 периодических изданий по праву, включая газеты. В 1982 г. учреждается Юридическое общество Китая (中国法学会). В эти годы китайские юристы массово уезжают на обучение в западные юридические институты, получая в них базовое образование. После распада СССР и заимствования Россией западных правовых институтов интерес к российскому праву в китайской среде совершенно угас. Он начал восстанавливаться лишь в последние годы, когда наша страна стала защищать национальные интересы в праве.

В настоящее время в КНР существует несколько основных категорий площадок высшего юридического образования, в которых готовят китайских специалистов в области права.

Первая категория — юридические институты (как правило, ранее преобразованные из юридических факультетов) при классических университетах, учрежденных Министерством образования и его местными органами. К наиболее крупным из них отнесем Юридический институт Народного университета Китая (中国人民大学法学院), Юридический институт Пекинского университета (北京大学法学院), Юридический институт Университета Цинхуа (清华大学法学院), Юридический институт Уханьского университета (武汉大学法学院), Юридический институт Цзилиньского университета (吉林大学法学院), Юридический институт Фуданьского университета (复旦大学法学院). Они схожи с юридическими факультетами российских вузов, например юридическим факультетом МГУ или юридическим факультетом СПбГУ.

Вторая категория — это политико-правовые университеты (университеты политики и права), созданные Министерством юстиции в регионах и существующие как самостоятельные учебные заведения. Они очень похожи на российские МГЮА, СГЮА, академии (институты) МВД и т.п. К лидерам из них отнесем Политико-юридический университет Китая (Институт Китая политики и права; Китайский политико-юридический университет) (中国政法大学), Политико-юридический университет Восточного Китая (Восточно-Китайский университет политики и права) (华东政法大学), Юго-Западный политико-юридический университет (西南政法大学), Народный университет общественной безопасности Китая (中国人民公安大学), Северо-Западный политико-юридический университет (西北政法大学) и др. Как правило, выпускники указанных образовательных площадок идут работать в органы государственной власти и управления.

Третья категория — юридические факультеты (институты) при различных финансовых, экономических, торговых, национальных, технических образовательных учреждениях (институтах, колледжах).

Система высшего образования в юридических институтах КНР, как правило, состоит из трех ступеней: бакалавриат, магистратура и докторантура (аспирантура). При успешной защите диссертации присваивается степень доктора юридических наук. Отметим, что этой степенью обладает нынешний лидер Китая Си Цзиньпин, который в свое время успешно защитил диссертацию по теме «Исследование сельского маркетинга Китая», написанную во время учебы в аспирантуре

на кафедре марксистской теории и идеологического, политического воспитания Института гуманитарных и общественных наук Университета Цинхуа с 1998 по 2002 г.

Подводя краткий итог вышесказанному, отметим, что юридическое образование в современном Китае, несмотря на недолгую историю своего существования, все же следует признать качественным, но в большей степени ориентированным на собственные китайские правовые традиции с привнесением в них марксизма-ленинизма. Ориентация на Запад происходит лишь в части заимствования наиболее передовых правовых институтов, однако с их последующей обязательной «китаизацией».

Ван Чжихуа (Wang Zhihua), профессор Исследовательского института сравнительного правоведения Китайского университета политики и права, д-р юрид. наук (КНР, г. Пекин). *Правовая система современного Китая с точки зрения китайских компаративистов*

Известно, что западные компаративисты, например американцы Р. Шлезингер, К. Осакве, французы Рене Давид и М. Ансель, итальянец Р. Сакко, канадец П. Гленн, немцы К. Цвайгерт и Х. Кетц, в свое время в своих работах уделяли большие усилия социалистической правовой системе в лице советского права, анализировали ее особенности по сравнению с другими двумя основными правовыми системами в мире — континентальной и англо-американской. Что касается китайского права, они вообще отнесли его к дальневосточной правовой системе. По мнению этих компаративистов, в данную группу правовой системы кроме китайского правопорядка еще включены японское, корейское и даже вьетнамское право.

Но такое суждение о китайском праве не соответствует действительности, поскольку в китайской правовой системе мало что осталось от того, что может считаться остатком древнекитайской правовой традиции. В учебнике «История права Китая» говорится о китайской правовой системе или даже китайской правовой семье, но это только в контексте истории права. Общее мнение состоит в том, что древняя китайская правовая система уже выжила из жизни, не действительна сегодня.

Компаративисты в Китае обсуждают вопрос об основных правовых системах и признают существующие в мире континентальную, англосаксонскую, исламскую и индийскую системы.

В то же время после распада СССР компаративисты уверены, что социалистическая правовая система в лице советского права уже распалась, и мало кто считает, что китайская правовая система

может представлять такую т.н. социалистическую правовую систему. Вместе с этим ученые-юристы устремили свой взор на западный правопорядок и даже выдвинули предложение о десоветизации в области права, в том числе цивилисты и специалисты по уголовному праву, акцентируя внимание на удалении отрицательного влияния советского права. Поэтому компаративисты Китая пришли к выводу, что китайская правовая система должна быть отнесена к континентальной, не признавая ее принадлежность социалистической правовой системе.

Однако в действительности заметное влияние советского права проявляется везде и всюду, как в основных правовых принципах, так и в конкретных положениях законодательных актов современного Китая.

Ввиду этого нельзя не согласиться с мнением В.Е. Чиркина, который отнес пять государств, таких как Китай, Северная Корея, Вьетнам, Куба и Лаос, к группе тоталитарно-социалистической правовой системы. Конечно, кроме Северной Кореи, все остальные государства уже в той или иной мере реализовали реформы и перестройку, законодательства в этих государствах не могут считаться ортодоксальным социалистическим правопорядком. Например, поправками к Конституции, принятыми в 1988–2004 гг., в Китае уже реализовано нижеследующее: отказ от концепции диктатуры пролетариата, признание в конституции необходимости частной собственности и ее важной роли в экономике, положения о «рыночной» экономике, признание прав человека и даже тезис о правовом государстве и др.²

Следует отметить, что перед формулировкой «рыночная экономика» необходимо прибавить слово «социалистическая». То же самое — правовое государство: не такое правовое, как в статье Конституции РФ, провозглашающей «демократическое федеративное правовое государство», а «социалистическое правовое государство с китайской спецификой».

И надо признать, что политика реформы и открытости, которая была осуществлена с 1980-х годов, сильно изменила Китай, особенно сектор экономики. Экономика быстро развивалась. Но политика была не затронута. Значит, на фоне политики реформ и открытости изменение в Китае не существенно. Китай еще находится в стадии перехода к рыночной экономике и демократическому правовому государству.

² См.: Чиркин В.Е. Глобальные правовые системы, правовые семьи и их классификация // Право. Журнал ВШЭ. 2017. № 4. С. 26, 27.

Сегодня в Китае особенности социалистической правовой системы основываются на общественной собственности. Не признается право частной собственности на землю. Основные природные ресурсы находятся в распоряжении государства или общественных организаций. Самое важное имущество гражданина — жилое помещение — может принадлежать на праве собственности сроком не более 70 лет.

В настоящее время имущества у частных лиц немало, но защищается оно по закону недостаточно. Хотя в Конституции КНР предусмотрена частная собственность, но по сравнению с общественной она защищается не на равных началах. Например, согласно ст. 12 действующей Конституции КНР социалистическая общественная собственность священна и неприкосновенна, а в отношении частного имущества Конституция предусматривает, что законное частное имущество защищается законом (ст. 13). Очевидно, частное имущество не священо и может быть прикосновено, и даже предполагается, что частное имущество может быть незаконным.

Сразу отметим, что согласно ст. 113 ГК КНР «имущественные права субъектов гражданского права охраняются законом в равной мере». Но если проверить конституционность данного положения основного гражданского закона, результат не может быть положительным. Конечно, в Китае нет такой процедуры проверки конституционности положений законодательных актов.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что китайское право хотя еще может быть отнесено к социалистической правовой системе, но уже не в фундаментальном смысле модели советского права. Если характеризовать Китай в современное время, можно назвать его государством «государственного капитализма», хотя официально Китай сам себя называет государством «социализма с китайской спецификой», а специфика здесь может быть во многом объяснима.

А.Г. Хабибулин, зав. кафедрой экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф. *Идеология — системообразующий фактор юридического образования*

В настоящее время назрела необходимость совершенствования образовательной системы России. В целях прорывного развития страны сегодня требуются специалисты, обладающие новейшими знаниями, адаптированными к российской действительности, и базирующиеся на традиционных российских ценностях. Президент РФ В.В. Путин

отметил, что назрели существенные изменения в системе высшей школы с учетом новых требований к специалистам в экономике, социальных отраслях, во всех сферах нашей жизни. «Необходим синтез всего лучшего, что было в советской системе образования, и опыта последних десятилетий»³.

Юридическое образование базируется на идеологическом фундаменте. Современная реформа образовательной системы основана на духовно-нравственных ценностях, которые нашли отражение в законодательстве Российской Федерации. Как Конституция РФ, так и Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁴ устанавливают «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»⁵.

Идеологическая регуляция общественной жизни — один из важнейших элементов правового прогресса. Идеология выступает средством реализации правовых целей, правовой политики, она позволяет обеспечить реальное единство ценностных ориентаций индивида и права. Именно ценностные ориентации, пропагандируемые традиционные духовно-нравственные ценности, представления о путях и конечных целях развития общества и государства есть отправные начала юридического образования. Поэтому идеологию можно рассматривать как предтечу права.

Таким образом, идеология позволяет создать систему ценностей, лежащую в основе юридического образования, определить конкретные цели, ближайшие и перспективные, выбрать средства их достижения. В основе юридического образования — определенная система ценностей, определяющая логику развития общественных отношений. Образовательный процесс, совершенно свободный от идеологических детерминант, не выполняет своего предназначения и не формирует ценностно-ориентированную личность в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными началами.

³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21.02.2023 г. // Росс. газ. 2023. 22 февр.

⁴ См.: СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

⁵ Пункт 4 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809.

Ван Хайцзюнь (Wang Haijun), профессор Восточно-китайского политико-правового университета, д-р юрид. наук (КНР, г. Шанхай). Развитие и изменение образования в сфере цифровой юриспруденции Китая

В контексте огромного цифрового перехода юридическое образование должно приспосабливаться к новым ситуациям, новым требованиям, новым заданиям в цифровую эпоху, создается новая форма, новая модель образования в области цифровой юриспруденции. В цифровом обществе возникнут новые правовые вопросы, находящиеся на грани закона и этики (например, распознавание лиц, автопилотирование, правосудие и технологии блокчейн, виртуальное имущество и т.д.). Все эти вопросы превысили рамки традиционной правовой теории, на них трудно ответить эффективно и рационально с помощью существующих правовых теорий и норм права. В то же время, несмотря на быстрое развитие технологий, законодательный процесс является более вялым и медленным, современное законотворчество не отражает закономерности указанных вопросов, и законы могут быть отсталыми с точки зрения скорости законотворчества. Цифровое общество существенно меняет представление о ценностях, в частности о справедливости. «Свобода, равенство, демократия, закон, порядок и справедливость поставлены перед необходимостью нового их определения: цифровая справедливость будет самой высокой»⁶. Эти новые проблемы, без сомнения, бросают вызов юридическому образованию.

Современная юриспруденция, являющаяся продуктом цифровой экономики, неизбежно будет заменена на цифровую юриспруденцию. Образование в сфере цифровой юриспруденции — новая форма образования, адаптированная к развитию цифрового общества и требованиям цифрового правосудия, отражающая систему знаний, а также теорию и законы культивирования талантов в области цифровой юриспруденции. Поскольку растет целое поколение, для которого цифровые технологии — норма, перед преподавателями стоит задача собственного постоянного профессионального совершенствования.

Система знаний существующего юридического образования родом из современного просветительского духа и под флагом науки и демократии. Она поощряет свободу, равенство, права человека, верховенство закона, рациональность, договор, правду, формирует систематизированное мировоззрение и методологию объективизма, рационализма, индивидуализма. Таким образом, была заложена

прочная основа теории юридической науки в западных странах. В первой половине XX в. эта система знаний столкнулась с «подрывом» и «деконструкцией» постмодернизма, но, по существу, она является самореверсивной критикой на современном пути.

Информационная революция привела к «неэффективности системы знаний промышленной эпохи». Точно так же, как промышленная революция на Западе породила современное верховенство закона, информационная революция также должна создать новую форму верховенства закона благодаря ее глубокому влиянию на социально-экономическую жизнь. Эта новая форма — цифровое верховенство закона. На основе этого система знаний в области современной юриспруденции будет поглощена новой системой, интегрирована и перестроена с помощью архитектуры знаний, основанной на образовании в области цифровой юриспруденции.

Переход к образованию в области цифровой юриспруденции — неизбежное требование перехода от современной юриспруденции к цифровой юриспруденции. Теория цифровой юриспруденции и образования в этой области находятся в процессе чередования старого и нового. Многие теоретические утверждения и механизмы практики находятся в процессе экспериментов и исследований, поскольку не хватает достаточного опыта для накопления и академической переработки, в результате чего проводятся лишь предварительные обсуждения с тем, чтобы обеспечить возможность получения уроков для последующей более конкретной образовательной практики.

На основании места определения дисциплины в области цифровой юриспруденции система обучения цифровой юриспруденции не может быть преобразована в альтернативную систему обучения, она только создается на основании системы современной юриспруденции. В последние годы в Китае также увеличилось количество исследований в области цифровой юриспруденции, было создано более 100 учреждений, связанных с цифровой юриспруденцией. Но при этом в каждом из них имелись различные названия (например, кибер-юриспруденция, информационная юриспруденция, информационное правоведение, искусственный интеллект, вычислительная юриспруденция, будущая юриспруденция, когнитивная юриспруденция, цифровая юриспруденция и т.д.).

Цифровое юридическое образование Китая, очевидно, еще не достигло зрелого уровня, но было бы ценным научным исследованием, если бы соответствующие дискуссии могли предоставить большее общее понимание о цифровом верховенстве закона, цифровом обществе.

⁶ Чжоу Цян. Углубленно изучать дух 4-го пленума ЦК КПК девятнадцатого созыва, постоянно продвигать модернизацию судебной системы и судебных возможностей // Народное правосудие. 2020. № 1.

Т.Р. Орехова, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук.
Правовые аспекты стратегического планирования (на опыте реформ Китая)

Сегодня, когда Российское государство решает для себя задачи стратегического значения, определяя будущее страны, делается ставка на восстановление традиционных ценностей в общественном устройстве, образовании, культуре и т.д. Во многом такое политическое движение появилось как реакция на объективные мировые тенденции: крушение глобальных либеральных реформ и попыток условного Запада принудительно построить во всем мире некие универсальные (на взгляд западных политиков и идеологов) системы управления и ценностные конструкции; жесткая пропаганда разрушения традиционной семьи и принудительное внедрение постгуманистических (а в реальности просто антигуманных) идей; развал и перерождение международных организаций; целенаправленная политика внешних сил на разрушение науки, образования, культуры и морали.

Определение вектора политического движения к традиционным ценностям на высшем уровне государственной власти ставит в первую очередь следующие вопросы (но не исчерпывается этим):

какие ценности мы признаем как исконно традиционные для страны и всего народа, как они могут проявляться в современных условиях (так как речь, безусловно, не может идти о простом копировании общественных конструкций, существовавших в предыдущие исторические периоды, и объявлению их традиционными ценностями)?

соответствует ли структура государственных и муниципальных органов, а также сложившаяся практика их деятельности идеям восстановления традиционных ценностей, в том числе через призыву развития науки и реформы образования, с целью сохранить национальные приоритеты?

адекватны ли существующие методы реализации права и правового воздействия (как, впрочем, и отдельные правовые конструкции и институты) задаче защиты, развития, внедрения и пропаганды традиционных ценностей в практике государственного управления и общественной жизни?

Представляется, что современные российские политическая и правовая науки не могут дать развернутые ответы на эти принципиальные вопросы и тем более не вполне готовы предложить практические механизмы преобразования государственного управления и права в соответствии с важнейшей политической задачей восстановления и защиты традиционных ценностей (без их примитивизации и ретроградных попыток объявить

традиционными ценностями исторически отжившие конструкции). В этой ситуации важно не погрязнуть в построении умозрительных концепций и полном отрицании всего мирового опыта, а присмотреться к опыту стран, решавших схожие задачи.

И поэтому представляется весьма ценным и заслуживает глубокого и всестороннего изучения опыт КНР в деле построения модели политического управления государством и обществом на основе гармонического сочетания достижений мировой науки и национальной специфики.

Конечно, в отличие от России Китай всегда сохранял (скорее даже защищал) свою отдельность и самобытность, граничащую с пропагандой исключительности, свой культурный код. Но нас интересуют последние десятилетия в деле политического строительства КНР, когда политическое руководство, с одной стороны, применяло базовые принципы марксизма-ленинизма и опыт Советского Союза, а с другой — создало уникальную модель управления государством, что и помогло стране совершить серьезный скачок в развитии.

Интересно отметить, что в КНР, несмотря на то что идеи Ленина и Мао и социалистическая революция во многом повлияли на политические процессы в стране, первоначально были восприняты западные идеи разделения властей, затем была скопирована модель Советов, и только позднее было признано, что необходимо строить принципиально иную (собственную) уникальную модель управления. Это — результат сознательного поиска таких моделей государственного строительства и правовой системы, которые, с одной стороны, соответствовали бы многократно усложнившимся социальной и экономической системам и мировым тенденция, а с другой — соответствовали бы культурно историческому коду, позитивным и прогрессивным (!) традициям и менталитету населения.

Много примеров такой политики демонстрирует история нового Китая. Так в 1950-е годы после победы народной революции для КНР (так же, как и для Советского государства в свое время) актуальной была задача борьбы с неграмотностью. Создавая новое будущее страны, в Китае проводили такие реформы, которые помогли, с одной стороны, достигнуть высокого уровня экономического развития, с другой — поддержать при этом национальные традиции. Так, например, реформа письменности рассматривалась не только как социальная (рост культуры, ликвидация неграмотности), но и как политическая задача, так как в процессе была проведена большая работа по упрощению иероглифов и приведению их к единому стандарту для того, чтобы огромная страна с множеством народностей, говорящих на разных наречиях,

не имела препятствий для общения людей⁷. Показательно также решение о реформе китайской музыкальной драмы как традиционного национального искусства, которая также ярко демонстрирует стремление китайского руководства к сохранению разнообразия культур (курс «Пусть расцветают сто цветов, спорят сто школ»).

Обращают на себя внимание также энтузиазм и патриотизм, которые демонстрируют китайские граждане, откликаясь на призывы государства и КПК о национальном возрождении.

В этой связи невозможно пройти мимо фактора, который, как представляется, сегодня актуален для России. Это — решение вопросов повышения доверия общества к государству и чиновникам, борьба с коррупцией. Жесткая и непримиримая борьба с коррупцией в КНР демонстрирует, что в Китае действительно реализуются идеи воплощения в жизнь принципа: «Закон народа против чиновников» (принципа, который был положен в основу первых законодательных актов, устанавливающих независимую административную процедуру рассмотрения споров между гражданами и государством).

Китай никогда не забывал про национальные традиции, многое и определялось именно этими традициями, а не на уровне нормативного регулирования. И этот опыт требует глубокого, без слепого копирования изучения и переосмысления для поиска своих уникальных, новейших, но глубоко впитавших традиции и дух российского народа путей государственного строительства и формирования правовой системы.

Ли Чаоюнъ (Li Chaoyun), зав. кафедрой теории права Юго-Западного университета политологии и права, д-р юрид. наук, доц. (КНР, г. Чунцин). Основана гуманитарного марксистского взгляда в современном китайском понимании прав человека

В настоящее время права человека стали в Китае неоспоримой и легитимной концепцией. Это же — результат идеологического освободительного движения 1980-х годов. В то время китайские ученые творчески переосмыслили дискуссии классиков марксизма по вопросам прав человека, продемонстрировали легитимность прав человека в социалистических странах и разработали ряд важных положений, таких как экономический взгляд на права человека, исторический взгляд на права человека, классовый взгляд на права человека и т.д. Среди них *освобождение человека* признается наиболее важным фактором современного китайского понимания прав человека.

⁷ Здесь и далее примеры из практики КНР приводятся на основе: Се Чуньтао. Как КПК изменила Китай / пер. с кит. А.А. Монастырского. М., 2021.

Освобождение человека подчеркивает важность освобождения в соответствии с гуманной методологией, а также формирует на трех уровнях гуманистическую основу, которая отличается от либерального взгляда на права человека. И такая гуманистическая основа закладывает теоретическую логику современного китайского понимания прав человека. Ее три уровня показывают данные.

Первое — *креативность*. Это фундаментальный способ выражения сущности человека и его субъективности классическими марксистскими авторами. Его специфический смысл заключается в том, что человек может создавать свои собственные атрибуты, а также отношения между другим человеком и внешним миром, используя свои собственные врожденные и обусловленные трудовые способности, чтобы стать хозяином самого себя и различных отношений как творец. В классической марксистской теории наиболее фундаментальное проявление человеческой субъективности — ее способность на труд как *свободная сознательная деятельность*, а фундаментальная цель этой способности — *созидание*. С помощью этой свободной сознательной деятельности человек поставит себя как меру, чтобы мерить своей целью внешнюю природу. Такая свободная сознательная деятельность не только подтверждает, что человек является хозяином внешней природы, но и что сам человек и даже человеческое общество и история также есть продукты самосозидания человека.

Второе — *реальность*. Так выражает исторический материализм свойства человеческой реальности, смысл такой: надо понимать человека с точки зрения *реальных индивидуумов*, а не абстрактных и рассматривать человека как бытие (нем. *Dasein*, англ. *this-be*) различных реальных социальных отношений, созданных самим человеком. Такой взгляд, по сути, является детализацией логики *труд — созидание — субъективность*. Марксизм отвергает все виды внешних и абстрактных предписаний о человеке. Основываясь на логической отправной точке *индивидуума в реальности*, классики марксизма описывали как основной вопрос о субъективности, кто является творцом истории. «*История не делает ничего... Не "история", а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает всё это, всем обладает и за всё борется*»⁸. Четыре первоначальных элемента реальных индивидуумов и создания истории вращаются вокруг конкретной реальности материального производства. Материальное производство — это не использование природных объектов в готовом виде, а сознательная и созидательная практическая деятельность. На основе данных человек провозгласил свою главную

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 2. С. 102.

роль в истории, а способность к творческому производству считается фундаментальным образом *реальных индивидуумов*.

Третье — *социальность*. Это значит, что нужно понимать сущность человека и его реальность как сумму всех социальных отношений. Особое внимание уделялось членству в сообществе человека, ценился органичный союз человека в обществе. Творчество и реальность человека основаны на его социальности. Самый фундаментальный субъектный образ человека как творца должен основываться на истинном социальном единстве, а человек должен быть социальным существом. Истинное социальное единство также создается людьми на основе взаимного признания субъектной идентичности друг друга как творца и является продуктом всеобщего и свободного взаимодействия человека. Маркс считал, что только тогда, когда человек по-настоящему объединяется в общество, он может использовать общую мощь общества для борьбы с внешними материальными силами и контроля над ними. Только таким образом можно устранить отчуждение внешних материальных сил и действительно стать объектом и продуктом творческой деятельности человека. Следует также отметить, что Маркс однажды особо подчеркнул: «прежде всего следует избегать того, чтобы снова противопоставлять “общество”, как абстракцию, индивиду»⁹. Это показывает, что акцент Маркса на социальности заключается не в том, чтобы противопоставить индивиду абстрактную коллективную личность, а в том, чтобы подчеркнуть социальную принадлежность индивида и легитимность социальных и общественных отношений, что требует осознания органического единства реальности частной и общественной жизни.

Таким образом, на основе разных пониманий образа человека марксистское понимание прав человека отличается от либеральной традиции просвещения, основанной на индивидуализме, который подчеркивает атомарную индивидуальность и ее инструментальную рациональность. Конечно, мы не оценили, какой подход к пониманию прав человека лучше всего. Но марксистское понимание человека дает больше возможностей для понимания подхода к правам человека и его целей.

К.Р. Мурсалимов, доцент кафедры экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. От качества юридического образования к качеству юридической деятельности

Одной из основных проблем юридической деятельности является отсутствие высококвалифицированных специалистов. Практика показывает,

что наличие диплома юриста не всегда свидетельствует о глубоких знаниях и умениях обладающего им лица. Поэтому реформа системы юридического образования — одно из наиболее важных направлений совершенствования юридической деятельности. Процесс подготовки юриста в образовательном учреждении необходимо осуществлять на основе практико-ориентированного подхода.

Правовые знания, которыми обладает юрист, его отношение к праву, навыки и стереотипы деятельности в правовой сфере, степень его социально-правовой активности должны рассматриваться как субъективные факторы, которые самым непосредственным образом влияют на качество, законность и эффективность его деятельности. Взятые в совокупности, они и образуют индивидуальный правокультурный облик юриста.

В целом уровень правовой культуры субъектов, осуществляющих реализацию права, на сегодняшний день не может оцениваться как удовлетворительный. Его формирование — задача весьма сложная. Ее успешное решение предполагает реализацию целого комплекса взаимосвязанных программ, включающих в себя правовое воспитание, правовое обучение, правовую пропаганду.

Важное значение в решении этой сложной задачи отводится процессу правового воспитания. Однако сегодня воспитательное воздействие на человека очень сильно ограничено реальной юридической практикой в условиях значительного распространения правового нигилизма в российском обществе.

В современной ситуации ведущая роль в процессе формирования должного уровня правовой культуры отводится юридическому образованию. Необходимо расширение масштабов образовательных программ, причем не только в системе подготовки юристов-профессионалов. Особое внимание должно быть уделено правовой подготовке государственных и муниципальных служащих, правоприменительная деятельность которых не является основной формой решения стоящих перед ними задач. Их юридическое обучение следует осуществлять в соответствии с плановыми программами по повышению квалификации. Это возможно путем создания на базе соответствующих образовательных организаций юридического профиля краткосрочных, но постоянно действующих курсов по освоению специализированных программ «узкой» профилизации.

В современных условиях значительно возрастает роль научно обоснованных специализированных правовых знаний посредством получения дополнительного профессионального образования. Достоверная и полная информация не только о действующем законодательстве, но и о существую-

⁹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М., 2010. С. 59.

шей практике в определенной юридической сфере, особенностях правореализационного процесса способствуют укреплению законности в юридической деятельности. Появление новых сфер общественных отношений определяет процесс детализации профессиональной юридической деятельности, что обуславливает необходимость получения соответствующего юридического образования.

В этой связи передовой опыт в юридической сфере, отвечающий социальным потребностям, требованиям юридической техники, может рассматриваться в качестве основы правовой культуры. Поэтому его распространение в рамках дополнительного юридического образования способствует формированию необходимого уровня правовой культуры должностных лиц, повышению эффективности их юридической деятельности.

Лю Цюсэнь (Liu Qiuse), доцент Института прав человека Юго-Западного университета политологии и права, д-р юрид. наук (КНР, г. Чунцин). *Правовая система и теоретическая основа защиты прав человека в современном Китае*

В КНР, как и во многих других странах, защита прав человека вменяется в обязанность государству, поэтому правительства обращают все более пристальное внимание на права человека. В частности, соблюдение прав человека — один из ключевых показателей эффективности работы правительства. В современном Китае выработан собственный подход к организации защиты прав человека. При неуклонном следовании интересам народа правительство КНР в последние годы добилось выдающихся достижений в правозащитной деятельности. Этот опыт наглядно показывает развивающимся странам лучшие практики в этой отрасли. В КНР понятие прав человека более не считается заимствованным у западных стран, но определяется интересами народа.

Теория и основное понимание в области защиты прав человека

Исследования теории прав человека в современном Китае начались относительно поздно и постепенно перешли от прямого переноса западных теорий к поиску своего пути, отвечающего национальным потребностям. Но безусловно, что основные права человека, такие как право на жизнь и здоровье, право на образование, право на свободу вероисповедания, а также другие политические, экономические, социальные и культурные права, право на безопасную и экологически чистую окружающую среду, права женщин и детей и т.д., признаются и в полной мере реализуются в КНР¹⁰.

¹⁰ См.: 国家人权行动计划 (2021—2025年). URL: <http://www.scio.gov.cn/37234/Document/1712231/1712231.htm> (дата обращения: 01.07.2022).

Права человека универсальны, неотъемлемы, неделимы и взаимозависимы¹¹. Некоторые китайские ученые считают, что в дополнение к законодательству, стратегии и государственному планированию в этой области также необходима массовая популяризация знаний о правах человека в обществе¹², чтобы каждый гражданин знал, какие существуют права человека, как их применять и как их охранять. Система защиты прав человека должна основываться как на основных понятиях, так и на уважении национального суверенитета.

Правовая система защиты прав человека в современном Китае

С момента запуска политики реформ и открытости в 1978 г. прошло более сорока лет. ИЧР (Human Development Index) КНР с момента его внедрения вырос более чем на 50% (с 0.502 в 1990 г. до 0.761 в 2019 г.)¹³. Правительство КНР добилось известных успехов в сокращении бедности, улучшении качества жизни людей, обеспечении занятости и содействии развитию образования.

Дело защиты прав человека в КНР добилось огромного прогресса благодаря поддержке и защите со стороны правовой системы государства. Для устройства современной системы защиты прав человека в современном Китае законодательные органы приняли много постановлений и административных регламентов, касающихся прав человека, и создали полноценную правовую систему защиты прав человека.

В КНР, как и в большинстве государств мира, правовая система защиты прав человека подразделяется на две области — национальное законодательство и международные договоры. Наивысшую юридическую силу на территории государства имеет Конституция КНР, в которой защита прав человека заявлена наивысшей ценностью.

1. Правовая защита прав человека в Конституции КНР включает в себя защиту политических прав и свобод (ст. 4, 33—35, 41); защиту личных прав и свобод (ст. 37—40); защиту свободы вероисповедания (ст. 36); защиту экономических, культурных и социальных прав (ст. 42, 43, 45—49).

¹¹ См.: URL: <https://www.ohchr.org/ru/what-are-human-rights> (дата обращения: 02.06.2022).

¹² См.: 中华人民共和国国务院新闻办公室: 《发展权: 中国理念, 贡献与实践》(Информационное бюро Госсовета КНР. Право на развитие: философия, практика и вклад Китая). URL: http://www.gov.cn/zhengce/2016-12/01/content_5141177.htm (дата обращения: 04.06.2022).

¹³ См.: Программа развития ООН. Доклад о человеческом развитии 2020. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2020rupdf.pdf> с. 358 (дата обращения: 04.06.2022).

2. Правовая система защиты прав человека в национальном законодательстве КНР. В 2020 г. после 20 лет подготовительной работы принят Гражданский кодекс КНР¹⁴, в котором подчеркивается ценность основных прав человека. Бывшая «Общая часть гражданского права» в 2017 г. стала первой главой нового Кодекса. Гражданский кодекс считается своего рода «библией народной свободы», как первый и единственный Кодекс в КНР. Новый Гражданский кодекс занимает важное место в правовой системе современного Китая. Главная составляющая духа ГК КНР — гармоничное развитие человека как личности. ГК КНР построен вокруг процесса развития жизни человека, и защита этой жизни — его ключевая функция. ГК КНР состоит из 1260 статей, разделенных на семь глав. В гл. 1 закреплены предмет, объект и система гражданских прав, осуществление и ограничение гражданских прав и иных основных прав. В гл. 2 «О вещном праве» — 6 «О наследовании» предусматриваются подтверждение и защита самых основных гражданских и личных прав. Так, гл. 2 «О вещном праве» подтверждается и защищается право собственности. Глава 3 «О договоре» устанавливает правовые нормы подтверждения и защиты договорных отношений. Глава 4 «О личных правах» содержит правовые нормы установления и защиты прав личности. Глава 5 «О браке и семье» устанавливает правовые нормы и основные правила защиты личных прав в браке и семье. Глава 6 «О наследовании» определяет основные принципы и правила защиты наследственных прав. Глава 7 «Деликтная ответственность» обеспечивает все вышеперечисленные права, определяет ответственность и устанавливает принципы помощи при их нарушениях.

3. Уголовно-правовая защита прав человека включает в себя не только защиту прав обвиняемых и подозреваемых, но и прав свидетелей, потерпевших и иных законопослушных граждан. В уголовном законодательстве современного Китая правам человека уделяется значительное внимание. В этом отношении достигнут заметный прогресс, который демонстрируется следующим: (а) создание системы защиты прав человека. В поправках к Уголовному закону появились новые статьи с наказаниями за террористическую деятельность, разжигание межнациональной розни, дискриминацию по этническому признаку, отмывание денег, преступления в сфере информационной и компьютерной безопасности и т.д.; (б) ограничение применения смертной казни; (в) защита прав т.н. особых групп (特定群体).

¹⁴ См.: 中华人民共和国民法典, принят 28 мая 2020 г. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202006/75ba6483b8344591abd07917e1d25cc8.shtml>

4. В административном праве Закон об административных наказаниях КНР¹⁵ и Административно-процессуальный закон КНР¹⁶ также нацелены на защиту прав человека.

5. Правовая система защиты прав человека в международных договорах, подписанных Правительством КНР.

С точки зрения защиты прав человека КНР, отвечая новым вызовам и требованиям к развитию человеческого общества и государства, выработала свой путь развития системы защиты прав человека, соответствующий веяниям времени и специфическим национальным условиям¹⁷.

И. Ф. Мачин, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. Сравнительное правоведение в лицах: Ш.Л. Монтескьё

В современном мире правоведы разных стран существуют в одной вселенной — юридической. Возможность приблизиться к ее детальному изучению предоставляет наука сравнительного правоведения.

Можно ли определить сравнительное правоведение, подчеркнув его исключительность в ряду смежных наук? Представляется, что это удалось французскому компаративисту Р. Леже. Сравнительное правоведение, по его мнению, «является социальной наукой, объединяющей знания и методы, которые позволяют точно проводить параллели между различными правовыми системами или некоторыми из их институтов для выявления их сходств или различий, необходимых для проведения фундаментальных исследований или совершенствования правовой политики и практики»¹⁸.

Трудно переоценить вклад в развитие юриспруденции французского мыслителя Ш.Л. Монтескьё. Известный отечественный правовед Б.Н. Чичерин одной лаконичной фразой определил значение Монтескьё для развития юридической науки: «Локк писал о правительстве, Монтескьё — о законах»¹⁹. Р. Леже подчеркивает факт «непосредственного влияния Монтескьё на развитие сравнительного правоведения»²⁰. И он же с истинно

¹⁵ См.: 中华人民共和国行政处罚法, принят 17 марта 1996 г. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202101/49b50d96743946bda545eff0c333830b4.shtml>

¹⁶ См.: *ibid.*

¹⁷ См.: 鲁广锦: 《论中国式人权文明新形态》, 载《吉林大学社会科学学报》2022年第3期, 第5—18页.

¹⁸ Леже Р. Великие правовые системы современности. М., 2009. С. 501.

¹⁹ Чичерин Б.Н. История политических учений: в 5 ч. М., 1872. Ч. 2. С. 355.

²⁰ Леже Р. Указ. соч. С. 492.

французским изяществом отмечает неординарные способности Монтескьё: «этот человек, вкусивший в молодости плоды виноградников и прекрасной библиотеки замка Ла-Брэд, очень рано открылся миру»²¹. Действительно, еще в юные годы у него проявился интерес к научному познанию. Монтескьё обладал энциклопедическими знаниями (он принимал участие в создании энциклопедии Дидро и Д'Аламбера). Современный французский автор А. Жюппе приводит слова Монтескьё, которые говорят сами за себя: «Все меня интересует, все меня удивляет»²².

В 1727 г. Монтескьё продает свою должность председателя парламента Бордо (эту пожизненную должность он унаследовал от своего дяди в 1716 г.), у него появляется возможность путешествовать по странам Европы (Австрия, Италия, Венгрия, Голландия, Англия). Он изучает государственное устройство, законы и обычаи этих стран, проявляя все грани таланта разностороннего исследователя. Монтескьё собрал огромный эмпирический материал о законах разных народов. После возвращения в 1731 г. в свой родовой замок, он начинает работать с собранными материалами. Методы наблюдения и сравнения, которые использовались в естествознании XVIII в., стали для него основополагающими. Результат его почти двадцатилетнего труда — знаменитый труд «О духе законов», впервые опубликованный в 1748 г.

Как же Монтескьё объяснил разнообразие законов у народов? Ему принадлежит мысль, которая способствует объяснению исключительного разнообразия законов у народов: «Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа»²³. Эта формула Монтескьё позволяет изучать законы как системообразующий элемент общего духа народа. В данном случае окружающей средой для законов становятся физические и культурные факторы: климат, религия, принципы правления, примеры прошлого, нравы и обычаи. Специфика каждого из этих факторов, отличающая один народ от другого, и обуславливает крайнее разнообразие их законодательств.

Обратимся лишь к одному из факторов — климату. Климат в перечне факторов, влияющих на законы, у Монтескьё стоит на первом месте. Думается, что это не случайно. Ведь о влиянии климата на политические и правовые институты рассуждали еще античные мыслители, такие как Геродот и Аристотель. Аристотель, например, считал, что

у греков климат не жаркий и не холодный, и потому им свойственна хитрость южан и ум северян. Именно этот факт предполагает, по мнению Аристотеля, возможность создания у греков умеренной формы правления — политии, т.е. идеальной формы полисного правления. На Монтескьё же, который увлекался естествознанием, большое влияние оказала книга английского врача Дж. Арбутно «Очерк о влиянии воздуха на человеческие тела» (1733), изданная на английском языке. А. Жюппе полагает, что именно этой книгой Монтескьё и «будет непосредственно вдохновляться»²⁴.

Как же, с точки зрения Монтескьё, соотносятся законы с климатом? Монтескьё указывает на связь между этими явлениями, но не прямую, а опосредованную: «От различия в потребностях, порождаемого различием климатов, происходит различие в образе жизни, а от различия в образе жизни — различие в законах»²⁵.

Так, обращаясь к южным народам, Монтескьё объясняет, что в южных климатах женщины старятся рано, что благоприятствует браку с малолетними лицами; такого рода брак, в свою очередь, обуславливает подчиненное положение супруги и многоженство. Вывод Монтескьё: неравенство в правах между полами свойственно жарким странам. Монтескьё делится также своими наблюдениями о народах умеренного климата, считая, что эти народы непостоянны в своем поведении, в своих пороках и добродетелях, так как недостаточно определенные свойства климата не в состоянии дать им устойчивость. Таким образом, законодательство в странах с умеренным климатом обусловлено такого рода зависимостью. Заметим, что климат — это единственный физический фактор, который указан в вышеприведенной формуле Монтескьё, все же остальные факторы — моральные. Отметим, что в настоящее время проблема климата — глобальная проблема номер один.

Однако в самом тексте «О духе законов» Монтескьё анализирует причинную связь законов также и с другими физическими факторами. Он обнаруживает связи, существующие между законами и особенностями почвы, между законами и островным или материковым расположением проживания того или иного народа и др.

За законами у Монтескьё всегда скрывается законодатель. Однако он описывает не идеального законодателя, напротив, он предлагает психологический портрет реального законодателя: «Законы всегда сталкиваются со страстями и предрассудками законодателя. Иногда они проходят сквозь эти последние, принимая от них некоторую окраску;

²¹ Леже Р. Указ. соч. С. 491.

²² Жюппе А. Montesquieu. Le moderne. P., 1999. P. 15.

²³ Монтескьё Ш.Л. Избр. произв. М., 1955. С. 412.

²⁴ Жюппе А. Op. cit. P. 242.

²⁵ Монтескьё Ш.Л. Указ. соч. С. 357.

иногда же задерживаются ими и с ними сливаются»²⁶. Это еще одно объяснение разнообразия законов, которое предлагает Монтескьё. Эти суждения Монтескьё о законодателе не потеряли своей остроты и сегодня. Так, немецкий философ права О. Хеффе указывает на то, что законодателю может быть свойствен «политический мазохизм»; у него может не хватать информации о реальном положении дел; он может руководствоваться заблуждениями; ему могут быть присущи «глубинные искажения, невротического, психотического или идеологического характера». Хеффе делает непредвзятый вывод: «Короче говоря, из-за когнитивной или эмоциональной ограниченности выносящего решения субъекта нечто, представляющееся вполне безвредным, с большой долей вероятности может обернуться своей противоположностью»²⁷.

Многие современные исследователи отмечают колоссальный вклад Монтескьё в науку сравнительного правоведения. По признанию французского автора А. Жюппе, поражает воображение анализ феодальных законов франков, который нашел свое выражение в последних двух книгах работы «О духе законов» (кн. 30 и 31). По тонкому замечанию французского исследователя Ж. Шевалье, Монтескьё воздвиг «монумент сравнительной юриспруденции».

А.Е. Наумов, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук.
Олимпиады школьников в российском юридическом образовании

В России достаточно давно сложилась система мероприятий по выявлению талантливых школьников в конкретных областях знания и созданию условий для приоритетного зачисления их в ведущие вузы. Пожалуй, центральными мероприятиями такого рода стали олимпиады школьников. МГУ им. М.В. Ломоносова (совместно с другими известными вузами) стоял у истоков этого мероприятия и являлся одним из его основных популяризаторов.

В настоящее время олимпиады школьников можно разделить на два вида — Всероссийские олимпиады, основным организатором которых является Министерство просвещения РФ, и т.н. перечневые олимпиады, организуемые высшими учебными заведениями, включенными в ежегодно утверждаемый Министерством науки и высшего образования РФ перечень. По сути, олимпиады школьников, включенные в данный перечень,

представляют собой интеллектуальные соревнования, предполагающие решение специально разработанных преподавателями высших учебных заведений заданий и поэтапный отбор участников. По результатам этого мероприятия конкурсное жюри, также состоящее преимущественно из вузовских преподавателей, определяет победителей и призеров, получающих преимущественные права при поступлении в российские высшие учебные заведения, включая и поступление без вступительных испытаний.

Достаточно часто можно услышать, что «перечневые» олимпиады школьников стали отдельным путем для поступления в отечественные вузы, но признать такой путь полноценной альтернативой Единому государственному экзамену все же нельзя, поскольку количество победителей и призеров данных олимпиад (даже в сумме с победителями и призерами Всероссийских олимпиад школьников) не так уж и велико, а преимущественное право победителя или призера олимпиады при поступлении в высшие учебные заведения необходимо подтверждать высоким результатом ЕГЭ (не менее 75 баллов по профильному предмету). При этом следует отметить, что большинство победителей и призеров «перечневых» олимпиад подтверждают свой статус, получая необходимые баллы по результатам ЕГЭ.

Непосредственно для юридического образования в России значение имеют олимпиады школьников по профилю «право». Например, юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова на протяжении уже 15 лет организует и проводит олимпиаду школьников «Ломоносов» по праву, которая традиционно вместе с профильной олимпиадой СПбГУ, Высшей школы экономики (олимпиада школьников «Высшая проба») и МГЮА («Кутафинская олимпиада школьников») относится к олимпиадам 1-го, наивысшего среди «перечневых» олимпиад, уровня. За время своего проведения она стала своеобразным брендом и знаком качества факультета в среде абитуриентов. В том числе благодаря олимпиаде школьники получают первичное представление об университете, в котором они хотят учиться. Велико значение олимпиады и в части ранней адаптации потенциальных студентов к учебе на факультете и университетским требованиям к обучению в целом. Подготовка школьников к участию в олимпиаде органично сочетается с процессом обучения по общеобразовательному предмету «обществознание» (в некоторых школах дополнительно преподают предмет «право») и требует от них более глубокого погружения уже в собственно юридическую проблематику.

Следует отметить, что усилия организаторов олимпиады дают свои плоды: ежегодно десятки

²⁶ Монтескьё Ш.Л. Указ. соч. С. 656.

²⁷ Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994. С. 291.

победителей и призеров олимпиады школьников «Ломоносов» по праву становятся студентами юридического факультета МГУ. По отзывам коллег-преподавателей такие студенты выделяются из общей массы своей успеваемостью, неплохим уровнем общей эрудиции и достаточно высокой степенью готовности к обучению в университете.

А.В. Пищулин, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. *Философия права как учебная дисциплина*

Так как конференция посвящена не только вопросам науки, но и образования, то хотелось бы поделиться некоторыми размышлениями о философии права как учебной дисциплине. Роль и место философии права как учебной дисциплины в ряду российских теоретико-правовых дисциплин представляется довольно неоднозначным. С одной стороны, это учебная дисциплина, которая преподается на юридических факультетах в России в магистратуре, а с другой — по сравнению, например, с теорией государства и права, она не занимает важного места в юридическом образовании и фактически, пожалуй, мыслится многими, в том числе представителями отраслевых юридических наук, как факультативная.

Помимо этого, у философии права как учебной дисциплины есть ряд существенных проблем.

1. Методологическая неопределенность в программах и учебных пособиях по философии права. Проблема здесь кроется прежде всего в том — является ли эта дисциплина юридической или философской? Этот вопрос в полной мере отражается и на учебных курсах, и в построении учебного материала. В основе мировоззрения советского и постсоветского юриста-теоретика лежат типы правовопонимания: юридический позитивизм, естественное право и т.д. Этот факт находит свое отражение и в ряде учебников по философии права авторства теоретиков права. При этом нельзя не видеть, что научное мировоззрение социального философа формируют разделы философии: онтология, гносеология, аксиология. Такое расхождение и образует ключевую проблему для учебной дисциплины «философия права». Как, собственно говоря, излагать материал, используя классические традиции теоретиков права или брать за основу разделы философии? Этот вопрос довольно принципиален, и от него зачастую могут зависеть те выводы, к которым приходит преподаватель по итогу курса.

2. Объективно в России существует проблема разграничения философии права и истории политических и правовых учений как учебных дисциплин. Главный риск для преподавателя философии права — удариться в повторение изложения материала истории политических и правовых учений.

На Западе как раз такой проблемы нет — в силу отсутствия там истории политических и правовых учений как дисциплины. В рамках отечественного опыта вряд ли нужно излагать философию права «по фамилиям», т.е. в рамках методологии, принятой в истории политических и правовых учений, когда в основе курса лежит учение о праве и государстве того или иного мыслителя. То есть неизбежно в рамках преподавания философии права необходимо концентрироваться на определенных философских проблемах, а мнения и позиции тех или иных мыслителей должны лишь иллюстрировать их. В то же время учебная дисциплина «философия права» позволяет рассказать студентам о мыслителях, которые не вошли в курс истории политических и правовых учений, как-то Дж. Агамбен, М. Фуко и т.д.

3. Относительная новизна учебной дисциплины «философия права» в российских учебных программах по юриспруденции и не ясный ее статус в будущем. Философия права появилась в российских учебных программах по юриспруденции явно под влиянием тенденции сотрудничества и интеграции с Западом. Этот факт доказать довольно просто — в советских учебных программах такого предмета не было в принципе. К тому же необходимо принять во внимание грядущую реформу образования, намеченную на 2025 год, найдется ли место философии права как учебной дисциплине в постреформенной реальности — пока неизвестно.

Б.В. Лесив, ассистент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. *Сравнительные исследования в фундаментальной юриспруденции: непреходящая актуальность и современные векторы*

В качестве самостоятельного направления юридических исследований целенаправленное сравнение государственно-правовых институтов сложилось не так давно. Конечно, никогда не предполагалось, что сравнительное правоведение составляет отдельную отрасль знаний о праве, как, скажем, наука гражданского или уголовного права, однако невозможно отрицать большой эвристический потенциал этого направления, который столь очевиден по тем же причинам, что были описаны выше. Зачастую при изучении одной правовой системы или определенной ее части новые грани для их осмысления открываются именно тогда, когда начинают сопоставляться с аналогичными объектами из других правовых систем. Это позволяет сделать выводы об исследуемом объекте, его преимуществах и недостатках, которые не пришли бы на ум вне процесса сравнения.

Стремительное развитие сравнительное правоведение в качестве самостоятельного направления

научной деятельности получило в XIX в. Специальный термин «сравнительная юриспруденция» был отчетливо предложен английским юристом Г. Мэйном и немецким правоведом И.А. фон Фейербахом. Фейербах выступал за «сравнение законов (права) и правовых обычаев всех народов всех времен и во всех местах с целью создания универсальной юриспруденции, чистой науки о праве»²⁸. Несмотря на разные оценки действительной эмпиричности и достоверности результатов компаративистики как коннотации «аналитической юриспруденции», все же очевидно, что особую актуальность методологически точное сравнение приобретает именно в общетеоретических правовых науках, имеющих дело с наиболее глобальными социальными процессами. Выводы об общих закономерностях функционирования и развития государства и права были бы не столь полны и обоснованны, если бы наука теории государства и права не прибегала в значительной степени к сравнительному методу. Многие проблемы, поднимаемые фундаментальной юриспруденцией, изначально предполагают необходимость сравнения государственно-правовых явлений (типы государства, формы правления, формы государственных режимов, источники права, правовая культура и т.п.).

В современной России сравнительная юриспруденция стала наиболее популярна в ее «универсалистском» варианте. Сравнительный фокус универсалистского подхода максимально широк, предполагая больше описание разных правовых систем, чем собственно их сравнение по четким параметрам. Этот подход по-своему важен, так как формирует эмпирическую базу для имплицитного анализа разницы между *правовыми традициями* (включая вопросы правовой культуры, обыкновений юридической практики и т.д.)²⁹, нежели для прицельного сравнения отдельных правовых систем или, тем более, отраслевых правовых институтов. Однако это направление, которое за рубежом иногда называют «правовой географией» или «сравнительной номоскопией»³⁰, является лишь «вершиной айсберга». Не меньший интерес представляют более точные направления сравнительных исследований, способные раскрыть весь эвристический потенциал юридической компаративистики. Классики

зарубежной сравнительной юриспруденции называли эти направления «сравнительной номотетикой» и «сравнительной номогенетикой» (Дж. Вигмор), «материальным сравнением» и «методологическим сравнением» (Г. Канторович), «догматическим сравнением» (Э.Г. Кэйден, в противоположность «формальному сравнению») и «прикладным сравнительным правом» (Г. Гаттеридж, в противоположность «описательному сравнительному праву»)³¹. Все они направлены на исследование более глубокое, чем дескриптивное, и позволяют прийти к более точным и весомым выводам о преимуществах и недостатках того или иного правового подхода к решению похожих социальных проблем.

Помимо интереса указанных направлений для обогащения знаний по вопросам, непосредственно составляющим предмет теории государства и права, они поднимают закономерный вопрос о формировании адекватной методологической базы, которая с учетом ранее сказанного позволила бы достоверно сравнивать правовые институты с учетом их социально-детерминированной специфики. Прикладное сравнение по понятным причинам особенно интересно для отраслевых юридических наук. Однако именно задачей общей теории права в силу самого ее предназначения является выработка общих методологических подходов, способствующих эффективному выполнению всеми отраслевыми науками стоящих перед ними задач. Нет явных аксиоматических оснований полагать, что в каждой отраслевой юридической науке может иметь место собственная методология сравнения, непригодная ни для какой из других. Представляется, что, достигнув уже существенных успехов в «сравнительной номоскопии», сегодняшний взор отечественного сравнительного правоведения как части общетеоретических дисциплин должен быть устремлен именно в эту сторону.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кроткова Н.В. Всероссийская конференция с международным участием «История политических и правовых учений как научная и учебная дисциплина» // Государство и право. 2023. № 8. С. 191–206.
2. Леже Р. Великие правовые системы современности. М., 2009. С. 491, 492, 501.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М., 2010. С. 59.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 2. С. 102.
5. Монтескьё Ш.Л. Избр. произв. М., 1955. С. 357, 412, 656.

²⁸ Resta G. The 'Comparative Method' at the Roots of Comparative Law. In: Dedek H., ed. A Cosmopolitan Jurisprudence: Essays in Memory of H. Patrick Glenn. ASCL Studies in Comparative Law. Cambridge University Press, 2021. Pp. 44–63.

²⁹ Классическим примером этого подхода является популярная в России книга Рене Давида: Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози; пер. с франц. В.А. Туманова. М., 2019.

³⁰ Wigmore J. H. A New Way of Teaching Comparative Law // Journal of the Society of Public Teachers of Law. 1926. Pp. 6–16.

³¹ См.: Butler W.E. Comparative International Law // Journal of Comparative Law. 2015. Vol. 10. No. 1. Pp. 241–254.

6. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози; пер. с франц. В.А. Туманова. М., 2019.
7. Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основовоположения критической философии права и государства. М., 1994. С. 291.
8. Чжоу Цян. Углубленно изучать дух 4-го пленума ЦК КПК девятнадцатого созыва, постоянно продвигать модернизацию судебной системы и судебных возможностей // Народное правосудие. 2020. № 1.
9. Чиркин В.Е. Глобальные правовые системы, правовые семьи и их классификация // Право. Журнал ВШЭ. 2017. № 4. С. 26, 27.
10. Чичерин Б.Н. История политических учений: в 5 ч. М., 1872. Ч. 2. С. 355.
11. Butler W.E. Comparative International Law // Journal of Comparative Law. 2015. Vol. 10. No. 1. Pp. 241–254.
12. Juppe A. Montesquieu. Le moderne. P., 1999. P. 15, 242.
13. Resta G. The ‘Comparative Method’ at the Roots of Comparative Law. In: Dedek H., ed. A Cosmopolitan Jurisprudence: Essays in Memory of H. Patrick Glenn. ASCL Studies in Comparative Law. Cambridge University Press, 2021. Pp. 44–63.
14. Wigmore J.H. A New Way of Teaching Comparative Law // Journal of the Society of Public Teachers of Law. 1926. Pp. 6–16.
3. Marx K. Economic and philosophical manuscripts of 1844 and other early philosophical works. M., 2010. P. 59 (in Russ.).
4. Marx K., Engels F. The Holy Family // Marx K., Engels F. Essays. M., 1955. Vol. 2. P. 102 (in Russ.).
5. Montesquieu Sh.L. Selected works. M., 1955. Pp. 357, 412, 656 (in Russ.).
6. The main legal systems of modernity / R. David, K. Joffre-Spinosi; transl. from French. V.A. Tumanov. M., 2019 (in Russ.).
7. Heffe O. Politika. Law. Justice. Fundamentals of the critical Philosophy of Law and the state. M., 1994. P. 291 (in Russ.).
8. Zhou Qiang. To study in depth the spirit of the 4th Plenum of the CPC Central Committee of the nineteenth convocation, to constantly promote the modernization of the judicial system and judicial capabilities // People’s justice. 2020. No. 1 (in Russ.).
9. Chirkin V.E. Global legal systems, legal families and their classification // Law. HSE Journal. 2017. No. 4. Pp. 26, 27 (in Russ.).
10. Chicherin B.N. The history of political teachings: in 5 parts. M., 1872. Part 2. P. 355 (in Russ.).
11. Butler W.E. Comparative International Law // Journal of Comparative Law. 2015. Vol. 10. No. 1. Pp. 241–254.
12. Juppe A. Montesquieu. Le moderne. P., 1999. Pp. 15, 242.
13. Resta G. The ‘Comparative Method’ at the Roots of Comparative Law. In: Dedek H., ed. A Cosmopolitan Jurisprudence: Essays in Memory of H. Patrick Glenn. ASCL Studies in Comparative Law. Cambridge University Press, 2021. Pp. 44–63.
14. Wigmore J.H. A New Way of Teaching Comparative Law // Journal of the Society of Public Teachers of Law. 1926. Pp. 6–16.

REFERENCES

1. Krotkova N.V. All-Russian Conference with international participation “The history of political and legal doctrines as a scientific and educational discipline” // State and Law. 2023. No. 8. Pp. 191–206 (in Russ.).
2. Leger R. Great legal systems of modernity. M., 2009. Pp. 491, 492, 501 (in Russ.).

Сведения об авторе

КРОТКОВА Наталья Викторовна — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право»; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0003-2853-1287

Authors’ information

KROTKOVA Natalya V. — PhD in Law, Leading Researcher of the Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Deputy Editor-in-Chief of the journal “State and Law”; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia